

Сергей Луцик
при участии Ольги Барковской

Семен Кесельман

*...Семен Кесельман, чудесный поэт, о котором впо-
ру бы сейчас по-настоящему вспомнить и заговорить.
(Из письма Б. Бобовича к С. Луцику от 10.02.1968)*

Семен Кесельман — одесский поэт и журналист, один из многих персонажей литературной жизни Одессы начала XX столетия. В 1910-х годах местные газеты, журналы, альманахи печатали его стихи, новеллы, рецензии и заметки. Он был постоянным участником литературных вечеров. В театрах с успехом шли его миниатюры. Фамилия его неоднократно упоминалась в газетных рецензиях: о нем писали как об одном из лучших одесских поэтов.

По возрасту С. Кесельман несколько старше будущих корифеев «южнорусской школы», раньше начал литературную деятельность и стал печататься, раньше приобрел популярность. В. Катаев, З. Шишова вспоминают о Кесельмане

Семен Кесельман. Начало 1910-х

как о поэте «старшего поколения», «другого литературного поколения». Не следует рассматривать С. Кесельмана как прямого предшественника «южнорусской школы», но он вместе с прочими способствовал созданию той атмосферы, в которой формировались будущие классики советской литературы.

С. Кесельман рано отошел от литературной деятельности и сравнительно быстро был забыт, казалось — навсегда. Однако в наши дни его имя и его творчество опять вызвали интерес — видимо, в связи с новой волной обостренного внимания к одесской старине и особенно к культурной жизни Одессы 1910-1920-х годов.

Наша цель — по возможности собрать сохранившуюся информацию о С. Кесельмане, значительные и мелкие факты, на основе которых можно было бы воссоздать его биографию. К сожалению, имеющиеся сведения очень фрагментарны, многие стороны жизни и творчества раскрыть не удалось.

1

Кесельман Семен Иосифович (Осипович) — родился 14 июля 1889 года в Одессе¹, скончался 9 августа 1940 года в Одессе².

«Одесский мещанин иудейского вероисповедания», — так пишет о себе Семен Кесельман в одном из документов 1909 года³. Кроме записи в «Книге о родившихся...» Одесского раввина за 1889 год в сохранилась записка отца о рождении сына: «1889 года / с четверга на пятницу / с 13 на 14-ое июля / в 3½ часа ночи родился у меня с Божьей помощью сын. / Дай Бог здоровья и долголетия / родильнице и новорожденному / Аминь».

О детстве, родителях, воспитании будущего поэта мы располагаем лишь отрывочными сведениями, отдельными разрозненными документами, штрихами детских воспоминаний, дошедших до нас в позднейшем пересказе его вдовы Милицы Степановны Зарковой через много лет после его смерти⁴.

Со слов М.С. Зарковой известно, что родители С. Кесельмана постоянно жили в Одессе задолго до его рождения. Семен был единственным ребенком в семье. Его отец Иосиф Кесельман в 1878 году по окончании Одесского коммерческого училища пытался поступить в Петербурге в Институт инженеров путей сообщения⁵ и в Практический технологический институт⁶, успешно выдержал экзамены, но не был принят ни в тот, ни в другой «по неимению вакансии». Семейные рассказы гласят: якобы тогда же Иосиф Кесельман держал экзамены еще и в Петербургскую консерваторию — и был принят, однако учиться не стал, так как вскоре женился и вынужден был думать о содержании семьи.

Никаких документов о поступлении в консерваторию не обнаружено, но среди бумаг сына сохранился обрывок старой одесской печатной программки какого-то концерта, где Иосиф Кесельман исполняет на рояле «Песню без слов» Мендельсона и «Мазурку» Шопена.

Мать будущего поэта (звали ее Ольга; отчество и девичья фамилия ни в документах, ни в памяти одесских старожилов не сохранились), по рассказам сына, происходила из семьи известного еврейского поэта и драматурга, создателя еврейского театра в России Абрама Гольдфадена — Семен Кесельман называл его дедом⁷. Видимо, мать, как и ее муж, обладала музыкальным дарованием, так как одно время давала уроки пения. Сын унаследовал способности родителей, любил и понимал музыку, неплохо играл на рояле. Рассказывали, что сестра матери была одной из первых в России женщин-врачей, окончивших военно-медицинскую академию. Большой портрет ее долгое время висел в одесской Еврейской больнице на Мясоедовской.

Родственники матери стремились поддержать благосостояние молодой семьи, помогали создавать какие-то коммерческие предприятия, например — комиссионную контору по продаже импортных пианино. Но Иосиф Кесельман оказался крайне непрактичным, вместо занятий делами целыми днями играл на пианино и в конце концов прогорел. Позднее у него была «крупная торговля золотыми и серебряными изделиями»⁸, но и здесь его постигла неудача. Умер Иосиф Кесельман в октябре 1912 года. В газетном некрологе отмечено: «скончался в бедности»⁹. Обстоятельства этой смерти оставили у сына тяжелые впечатления на всю жизнь: отец ушел утром и скоропостижно скончался на улице; соседи прибежали за сыном; сын привез умершего отца на извозчике домой¹⁰... Впоследствии, будучи тяжело больным, С. Кесельман опасался, что его может постигнуть участь отца, и избегал выходить из дома без провожатых.

«Бедность» отца, упомянутая в некрологе, была, видимо, относительной. Вспоминая о детстве и юности, поэт никогда не говорил о нужде или о недоедании. Напротив, из его рассказов жене известно, например, о наличии в семье прислуги, которой он гимназистом пересказывал выученные уроки; в студенческие годы, подрабатывая репетиторством (готовил гимназистов к экзаменам на аттестат зрелости¹¹), полученные деньги он тратил на конфеты, на извозчика, на цветы... Как-то в середине 1930-х годов Кесельман показывал жене дом, где прошло его детство: на Дерibasовской улице, между Городским садом и Преображенской, балкон на втором этаже (на этот балкон во время уборки квартиры прислуга выставляла мальчика...).

Ученический дневник С. Кесельмана
Собр. М.А. Козоровицкого

Страница из ученического дневника

Учился Семен Кесельман в одесской Пятой гимназии. Сохранил о ней самые лучшие воспоминания («За все годы учебы я никогда не чувствовал, что я еврей...» — так рассказывал он жене). Несколько лет назад во время капитального ремонта здания обнаружилась неожиданная находка: «Тетрадь для записывания уроков ученика 1 класса Кесельмана Семена Одесской 5ой Гимназии на 1900-1901 учебн. год» (то есть ученический дневник). Одна из пустых страниц украшена рисунком свитка, орнаментами и витиевато выписанным именем владельца — уже тогда проявлялась склонность к рисованию. Учился Кесельман всегда на «отлично», из класса в класс переходил с наградами¹², окончил гимназию в 1908 году с золотой медалью¹³. Все школьные годы над мальчиком довлел призрак этой медали, которая якобы должна была открыть ему дорогу к высшему образованию. Но медаль не помогла. В бумагах поэта сохранился черновик его прошения 1909 года ректору университета: «Не будучи зачислен в прошлом 1908 году в студенты Императорского Новороссийского университета вследствие отсутствия вакансий, имею честь вторично покорнейше просить...».¹⁴

Вторая попытка увенчалась успехом. Говорят, помогла протекция генерала Каульбарса, к сестре которого

«нашла ход» мама. В 1909 году Семен Кесельман стал студентом юридического факультета Новороссийского университета.

С матерью Семен Кесельман был очень близок не только в детстве, но и в зрелые годы, в пору литературной известности. Видимо, находился под большим ее влиянием. Всегда вспоминал о ней как о самом близком для себя человеке, хотя и отмечал с юмором некоторое излишество и обременительность ее забот. Эта опека, видимо, служила поводом для зубоскальства в кругу знакомых поэта, что подтверждается эпиграммой Эдуарда Багрицкого:

Мне мама не дает ни водки, ни вина,
Она твердит: вино бросает в жар любовный,
Мой Сема должен быть как камень хладнокровный,
Мамашу слушаться и не кричать со сна¹⁵.

Впервые эти строчки обнародовала Зинаида Шишова в очерке о Багрицком, заметив при этом, что эпиграмма — «об одесском поэте Семене К., который появлялся в обществе исключительно об руку с мамашей...»¹⁶. Вдова поэта М.С. Заркова, по ее признанию, никогда не слышавшая этой эпиграммы, помнила, что муж кое-что рассказывал ей о странностях матери, о ее мелочной опеке (в частности, о том, как мать следила за ним, когда он ходил на свидания). Заботы матери о сыне продолжались до самой ее смерти, последовавшей в начале 1920-х годов¹⁷.

2

Интерес к творчеству возник у С. Кесельмана еще в школьные годы. Сохранились записные книжки и тетради тех лет. Стихи перемежаются рисунками — персонажами из прочитанных книг («Гамлет», «Офелия»), зарисовками уличных впечатлений (извозчик, пьяные у чайной, дворник), видами порта и пароходов, шаржами на неизвестных нам лиц. Рисунки появляются раньше, чем стихи. Самая ранняя дата под одним из стихотворений — декабрь 1904 года, юноше в это время 15 лет.

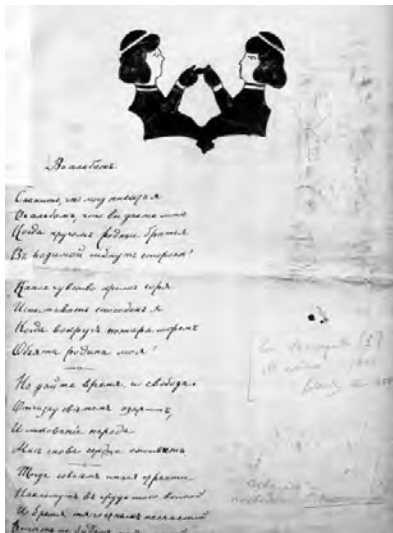
К 1906 году относится первый — и единственный — номер рукописного журнала¹⁸:

*«Набат. Школьный журнал.
Редактор А. Артин.
Издатель С. Кесельман».*

В журнале всего четыре листа, включая обложку; два стихотворения под псевдонимом «Освальд», ряд заставок и виньеток. Одно из стихотворений —

Обложка школьного журнала. 1906

Стихи из школьного журнала

«В альбом» — встретилось также в тетради стихов с датировкой «1906 г.». Рисунок обложки имеет подпись: «С. Кес. 06».

Количество стихов резко увеличивается в начале 1909 года, когда после окончания гимназии наступает вынужденный годичный перерыв в учебе.

Ранние стихотворения, естественно, слабы и подражательны, в некоторых — прямые перепевы Бунина, Бальмонта, Блока. Много «бальмонтовщины» и ложных красот в стихах 1910 года, но здесь уже проскальзывают удачные самостоятельные строки и метафоры. Сам автор, видимо, сознавал слабость своих юношеских опытов и большую их часть оставил неопубликованными. Лишь три стихотворения 1908 и 1910 годов (из общего количества свыше ста, сохранившихся в тетрадях) мы встретили напечатанными позднее в одесских газетах 1911-12 годов¹⁹.

Перелом наступил в 1911 году. В рукописях сохранилось лишь 19 стихотворений, датированных этим годом, но среди них нет совсем неудачных или прямо подражательных, а некоторые можно признать вполне зрелыми. Три из них были даны автором в газеты²⁰.

К тому же 1911 году относится и начало журналистской деятельности С. Кесельмана. В его архиве хранилась подборка вырезок из «газеты-копейки» «Одесское слово» с заметками и статьями на самые разнообразные темы.

Здесь несколько лирических и юмористических стихотворений, первые опыты в прозе, бытовые фельетоны о трамвае или телефоне (актуальные темы городской жизни тех лет), война между Италией и Турцией, еврейская жизнь («Под Новый год», «Ритуальная наливка»), литературные вопросы — о Л. Толстом, о романах Арцыбашева... Часты репортажи «С выставки» — Всероссийской промышленной выставки 1911 года в Александровском парке. Серия очерков под общим заголовком «Кишиневские дела-делишки» и «По Бессарабии», хотя из позднейших рассказов их автора известно, что он никогда из Одессы не выезжал. Много театральных рецензий и заметок (С. Кесельман вспоминал, что журналистское удостоверение «Одесского слова» позволило ему регулярно бесплатно бывать во всех театрах города).

Объявление в газете «Одесское слово»

Среди типично газетного мелкотемья и развлекательного юмора особняком стоит «Судный день (из воспоминаний детства)». Речь идет о посещении маленьким мальчиком синагоги накануне Судного дня и о праздничном ужине в кругу семьи. То ли это воспоминание о конкретном случае, то ли рассказ, навеянный детскими впечатлениями, но в нем много искренности, лиризма, грусти по *ушедшей* патриархальной жизни²¹.

Всего обнаружено около 60 различных материалов примерно в полусотне номеров газеты. Иногда встречаются 2-3 публикации в одном номере, например: стихотворение, фельетон, рецензия. Самая ранняя установленная дата — 6 августа 1911 года (№ 502), последняя — 18 ноября того же года (№ 605). Время от времени прослеживается участие С. Кесельмана в каждом номере на протяжении недели, иногда перерывы длились от 8 до 10 дней. Работа начинающего журналиста не оплачивалась, единственным «гонораром» была возможность бесплатного посещения театров, о которой упоминалось выше.

Групповая фотография сотрудников «Крокодила». Стоит второй слева С. Кесельман. 1912

Среди этой массы газетных публикаций — всего три лирических стихотворения²². И только под ними стоит полная подпись автора: «С. Кесельмань». Прочие публикации подписаны инициалами (С. К-нь, С. К., К.) или псевдонимом «Эскессь» (сокращения: Э-сь, Э.). Все эти варианты подписей встречаются и в последующие годы, в других изданиях. Самый распространенный из них — Эскесс, образованный из первой буквы имени «С» (эс) и начала фамилии «Кес». Псевдоним вошел в известный «Словарь псевдонимов» И.Ф. Масанова²³; именем «эскесс» (с маленькой буквы) называет Кесельмана В. Катаев в романе «Алмазный мой венец», хотя всем остальным дает условные прозвища («ключик», «птицелов», «щелкунчик» и проч.)²⁴.

С декабря 1911 года Кесельман становится сотрудником одесского юмористического журнала «Крокодил». Его публикации регулярно появляются до мая 1912 года (свыше 30 материалов), в том числе в рубриках «Репейник» с эпиграммами на известных театральных деятелей и «Почтовый ящик» с ядовитыми ответами безграмотным авторам-графоманам. В «Крокодиле» нашлась

и единственная известная нам публикация рисунка Эскесса (1912, № 11; карикатура «Аргумент», посвященная вечеру заезжих юмористов). Характерно, что все юмористические стихи и заметки подписаны псевдонимом «Эскесс», использованным впервые в «Одесском слове». Встречаются также подписано-сокращения типа «Э-сь», «Э.», «С. К.» и проч. В архиве С. Кесельмана обнаружались материалы, относящиеся к «Крокодилу»: несколько номеров журнала, отдельные вырезки, рекламный многокрасочный плакат, программка «крокодилского» новогоднего бала, удостоверение «постоянного сотрудника» журнала на имя Эскесса-Кесельмана, черновики некоторых стихотворений, опубликованных в «Крокодиле», групповая фотография одиннадцати ведущих сотрудников журнала, среди которых и С. Кесельман.

В июне 1912 года на 24 номере «Крокодил» внезапно прекратил свое существование. Никакой документальной информации о причинах закрытия журнала найти не удалось. Скорее всего, издание привели к самоликвидации финансовые трудности²⁵.

После случившегося Кесельман отошел от повседневной журналистской работы, но продолжал довольно часто публиковаться в одесских газетах и журналах (причем по-прежнему лирические тексты помещал под своей фамилией, а юмористические и сатирические — под псевдонимом Эскесс).

Вероятно, с началом 1910-х связана история с письмом, будто бы полученным Кесельманом от Александра Блока; об этом письме упоминали в своих воспоминаниях В. Катаев и Ю. Олеша. Катаев: «Я думаю, он считал себя гениальным и носил в бумажнике письмо от самого Александра Блока, однажды похвалившего его стихи»²⁶; Олеша: «...был еще в Одессе поэт Семен Кесельман, о котором среди нас, поэтов более молодых, чем он, ходила

Удостоверение сотрудника «Крокодила»

1912

2-й год издания

Открыта подписка на 1912 год
на ЕЖЕМЕДЬЛЬНЫЙ
САТИРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2-й год издания

КРОКОДИЛЬ

СОСТАВЪ СОТРУДН.: Я. Г. Абрамовъ, А. Аронъ, А. А. Аренбергъ, Б. Антоновскій, Я. С. Балабага, А. Бисъкъ (Alib), Д. И. Басмановъ, Бенедиктъ, И. М. Василенскій (не-бува), А. А. Ванъ-дэр-Шкрудъ, Я. Р. Вугманъ, Евг. Вишскій (СПб.), В. Я. Генсъкъ (Лоренно), Гершковъ-бейъ-Герановъ, И. А. Горблякъ, Д. Г. Гутманъ (Кіевъ), Діаноло, О. Л. Доръ (СПб.), Доль (Петербургъ), Л. Думскій, Дядя Янъ, Зоузя, Н. О. Инбергъ (Парижъ), А. Б. Калихманъ, Карловъ, Кармень (СПб.), Камышиковъ, Л. М. Калій, Эмиль Крогкій, Вас. Князевъ (СПб.), М. С. Линскій, Лозерникъ, Маг. Л. Митинскій Ар., Муровъ, Мрамный зирискъ, Я. Г. Натансонъ-Бессъ, Никуланъ, Незнакомекъ, Рісаюгъ, В. Е. Нисаревскій, Ф. Сегаль, Я. Сидлиманъ, П. Л. Скуратовъ, Сѣдой Александръ, Тамаринъ, Н. Топузь, А. Фазинъ, Фаустъ (Сиріусъ), Хенкинъ, А. Цалюкъ, Семьгъ Юшкевичъ, А. М. Федоровъ.

10-16 страницъ—4 краски—5 коп.

Всѣ годовые подписчики получаютъ 32 большіихъ номера журнала. Масса иллюстрацій въ краскахъ и въ текстѣ.

Карикатуры, шаржи, шарисовки, шплетки, художество, рисунки.

Кромѣ того, всѣ годовые подписчики получаютъ 2, безплатныхъ премій:

- 1) Каждый годовой подписчикъ, приславшій въ редакцію „Крокодилъ“ свою фотографическую карточку, получитъ шаржъ на себя, исполненный однимъ изъ художниковъ „Крокодила“.
- 2) Роскошный альбомъ „КРОКОДИЛА“.

Въ сумрачной квартирѣ (И не безъ причинъ) Горька чашка Мучаль мужа сплывъ, Мужъ бредящъ уныло, Горести полна, Безъ конца грустна Жена жена.	Думали, гадали: Скуку чѣмъ убить? Мудреца познали— Горю пособить. И мудреца, признаться, Вмигъ вопросъ рѣшили: — Надо подписаться Вамъ на „Крокодилъ“.	Скука стинеть, горе (Вотъ такъ чудеса!) И «завлещутъ» горы Дома и лѣса Подписались... Bravo! Сплывъ совѣсьмъ забытъ И въ семействѣ, право, Бодрый смѣхъ царить
--	---	---

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

1. Въ Главной конторѣ «Крокодила». Гаванная 13. Тел. 51-20.
2. Въ книжномъ магазинѣ «Одесскихъ Новостей». Одесса, Дерибасовская, 20. Телефонъ № 24-20.
3. Въ Центральной Экспедиціи Печати, Москва, Гнѣздиковский пер. № 8. Телефонъ 226-21.

Подписка принимается и по телефону. Въ Одессѣ №№ 24-20, 31-26, 51-20, 2-66. Въ Москвѣ 226-21.

Редакторъ М. Н. Джугели. Издатели Б. Флигъ и Ф. Сегаль.

КРОКОДИЛЬ

легенда, что его похвалил Блок...»²⁷. М.С. Заркова на вопрос, что она знает об этом эпизоде, ответила: «Никогда не слышала от Кесельмана, чтобы он получал письмо от Блока. Не может быть, чтобы он не сказал об этом жене»²⁸. Однако о существовании эпиграммы Багрицкого ей тоже не было известно. Уже в наше время Р.Д. Тименчик еще раз упомянул эту историю: «...немногие счастливицы, удостоившиеся быть корреспондентами Блока, всю жизнь

прожили в ореоле этого эпизода, вроде одессита Семена Кессельмана (1889-1940), выведенного в прозе В.П. Катаева под именем "Эскес"²⁹. Скорее всего, письмо действительно существовало, но есть вероятность, что это была очередная мистификация из тех, которые так любили творческие люди, — истину теперь уже вряд ли удастся выяснить. Однако сам факт, что эпизод запомнился, в какой-то мере характеризует и Кесельмана, и его место в одесском поэтическом пространстве.

3

Расцвет творческой активности и популярности Кесельмана пришелся на 1912-1914 годы. Его стихи и, реже, проза и рецензии появлялись в газетах «Южная мысль» (1912-1914), «Одесское обозрение театров» (1912-1915), «Одесские новости» (1913-1917). Отдельные публикации встречаются и в других одесских изданиях, например в выходившей в августе-сентябре 1913-го газете «Одесский понедельник». Ее редактором был известный журналист Петр Пильский³⁰, собравший компанию интересных авторов (материалы подписаны самим Пильским, Михаилом Гершенфельдом, Ефимом Зозулей, совсем юным Львом Никулиным, маститым Семеном Юшкевичем и др.). В повторяющемся в нескольких первых номерах рекламном объявлении «Понедельника» читаем: «В газете принимают ближайшее участие: ...С. Кесельман...» — поэт известен, его именем привлекают читателей. «Ближайшее участие» выразилось в публикации двух стихотворений: «Начало осени» (напечатано 12 августа) и «Сентябрь» (9 сентября).

В январе 1913 года вышел в свет первый (и единственный) номер «Молодого журнала»³¹ с подзаголовком: «литературно-художественный и научно-критический сборник» — очень скромный по полиграфии и случайный по составу. Журнал поместил стихотворение Кесельмана «Первый сонет», несколько позднее, 13 марта этого же года, напечатанный в иллюстрированном приложении к газете «Южная мысль», и две прозаические миниатюры, «В трамвае» и «Муж», под общей шапкой «Из воспоминаний циника. Юморески С. Кесельмана» (кстати, единственный случай, когда тексты такого рода подписаны настоящей фамилией, а не псевдонимом). Здесь же была опубликована статья будущего составителя серии одесских поэтических альманахов поэта Георгия Цагарели «Литературные заметки о четырнадцати»: «...Хотелось бы оценить творчество тех немногих молодых одесситов, с произведениями которых мне приходилось знакомиться в местных периодических изданиях... я насчитал четырнадцать

имен... Вот они: Е. Зозуля — А. Львовский, Э. Герман — Э. Кроткий, Л. Гроссман, Пикадор [В. Круковский], С. Кесельман, В. Инбер, И. Кремер, Е. Фурман, И. Дальгонин, М. Талов, Л. Баткис, В. Овчаренко, Н. Топуз и В. Надель. Кажется, это почти все молодые...». Из этого списка Цагарели выделил четверых: Зозулю, Германа-Кроткого, Кесельмана и Инбер (об остальных отозвался бегло и достаточно нелицеприятно). Вот что он писал о Кесельмане: «С. Кесельман не нашел еще себя, круга своих наблюдений. Он берет темы своих стихотворений из жизни различных стран и эпох: вот его прекрасный сонет "Колокола" из цикла "Средневековье", вот пьеса "Из Турции"... в его стихах можно найти все признаки личности поэтического темперамента и художественного чутья... Обстановка поэзии С. Кесельмана: вечер, сумерки... я люблю стихи за их нежность, временами доходящую до сентиментальности, за тонкий, покрытый полупрозрачной дымкой рисунок. [...] С. Кесельман умеет работать над стихом, строфы его пьес изящны, музыкальны. Радует поэт своим знакомством с тайнами ритма, умением для каждой темы находить подходящий размер».

В следующем, 1914 году, Кесельман вошел в число авторов первых одесских поэтических альманахов — «Шелковые фонари» (вышел в марте) и «Солнечный путь» (май).

В альманахе «Шелковые фонари» были представлены шесть поэтов, все — студенты Новороссийского университета в возрасте от 20 до 25 лет. Это Исидор Бобович, Яков Гольденберг (псевд. Галицкий, Яго), Илья Дальгонин (наст. Израиль Шатенштейн), Леопольд Канель, Семен Кесельман и Георгий Цагарели³². Двое последних уже приобрели определенную известность у читающей публики, а Цагарели к тому же был постоянным сотрудником газеты «Южная мысль». Именно он, по свидетельству И. Бобовича³³, выступил организатором и редактором «Шелковых фонарей». На фоне других местных сборников начинающих литераторов издание приятно выделялось и сразу же было замечено. Не обошли вниманием и Кесельмана. Так, на страницах газеты «Южная мысль» Л. Камышников писал: «Наименее претенциозен и зато свеж и ароматен в своих стихах Семен Кесельман. Простота переживания и в то же время отвлечение в глубь прошлого, что называется в литературе "ретроспективностью", с удивительной нежностью переданы в стихотворении Кесельмана "Зимняя гравюра"»³⁴. Ему вторил анонимный автор «Одесского листка»: «Из всей молодежи "Фонарей" я выделил бы прежде всего Семена Кесельмана, поэта ясно чувствующей индивидуальности и верных, думается, обещаний»³⁵.

К сожалению, второй альманах, «Солнечный путь», не стал заметным литературным событием. Его делала другая компания молодых поэтов во главе

Участники альманаха «Шелковые фонари»

Слева направо: С. Кесельман, Л. Канель, Я. Гольденберг, И. Бобович, Г. Цагарели. 1914

с Леонидом Баткисом и Владимиром Овчаренко, бывшим одноклассником Кесельмана. Скорее всего, он и пригласил Кесельмана участвовать в сборнике. «Солнечный путь» отпечатан изящно, на хорошей бумаге, обложка украшена рисунком художника М. Гершенфельда. Но сборник отличается крайней эклектичностью, погоней за «знаменитостями» любых направлений. Представлены 27 авторов: случайные столичные (К. Бальмонт, С. Городецкий, Г. Иванов, Н. Клюев), а также одесские поэты — разных поколений (от А. Федорова до А. Биска), разного дарования, просто дилетанты. В резко отрицательном отзыве Г. Цагарели на сборник «Солнечный путь» похвалы удостоились

П. Пильский. Рис. С. Кесельмана

Афиша первого «Вечера поэтов»

лишь три участника, А. Биск, М. Вериго и С. Кесельман: «Стихотворения последних... полны изящества, благородства и внутренней силы»³⁶.

Тогда же, в 1914-м, Кесельман активно участвовал в организации кружка молодых поэтов, учрежденного критиком Петром Пильским при Литературно-артистическом клубе. Это была первая попытка объединения творческой молодежи города. 27 мая 1914 года в газетах появилось обращение за подписью Пильского: «Поэтам Одессы. Этой зимой возникла мысль об устройстве вечера молодых поэтов юга... Я прошу молодых поэтов собраться в литературном клубе сегодня в 9 час. вечера»³⁷. В. Катаев свидетельствовал: «Эскесс уже тогда был признанным поэтом и, сидя на эстраде ря-

дом с полупьяным Пильским, выслушивал наши стихи и выбирал достойных»³⁸. В течение лета состоялись два вечера кружка для публики: 15 июня в курсале Хаджибеевского парка и 1 июля в летнем театре Лигиной на 16-й станции Большого Фонтана. Кесельман выступал на обоих. В его архиве сохранились афиша и программа первого «Вечера поэтов», назначенного на 15 июня. Красноречивы даты: последнее мирное лето, через полтора месяца начнется первая мировая война, которая станет началом краха старой Российской империи и всей прежней жизни... Вечера прошли с успехом, отзывы в печати были доброжелательными, но многообещающее начинание оборвала разразившаяся война. Пильский ушел в действующую армию.

Непонятно, что произошло в отношениях Кесельмана с группой молодых поэтов, но в период между летними совместными выступлениями 1914 года и выходом весной 1915-го следующего альманаха «Серебряные трубы», несомненно, были какие-то конфликты и взаимные обиды. Свидетельств не осталось; единственный, кто хоть что-то по этому поводу смог сказать, — Исидор Бобович, он помнил, что была какая-то ссора, но суть ее за давностью лет забыл, отсутствие стихов Кесельмана в «Серебряных

трубах» и следующих альманахах объяснял так: «Я не помню причин отсутствия стихов С. Кесельмана в некоторых наших сборниках. Кажется, у него были какие-то неурядицы с Цагарели, который вообще играл основную, доминирующую роль в формировании материалов и издании наших альманахов»³⁹. Но по ряду признаков, ключевой фигурой в компании издателей альманахов, начиная с «Серебряных труб», стал Сторицын, в конце 1914-го приехавший в город. «Петр Сторицын — это литературный псевдоним Петра Ильича Когана... <...> Финансировал издание четырех последних альманахов Петр Сторицын»⁴⁰.

Обида на коллег-поэтов отчасти нашла отражение в шарже «Оловянные дудки». Рукопись сохранилась в домашнем архиве поэта. Само название наталкивает на прямую связь с «Серебряными трубами». На листе бумаги (35×20 см) пять шаржированных портретов участников альманаха с подписями-эпиграммами — великолепный документ того времени. Приведем тексты полностью.

«Оловянные дудки»

Иллюстрированное издание для потомства

Инициатор сборника Г.К. Цагарели, и его увенчивает муза, а сбоку два кинжала и папаха.

Главный поэт сборника Эдуард Багрицкий (Дзюбин). Пишущий под псевдонимами: 1) Н. Гумилев, 2) Теофил Готье, 3) Леконт де Лиль, 4) Бодлэр, 5) Там видно будет.

Справа — обложка будущей книги стихов поэта. [*Надпись на обложке*] Фруктовые воды фабрики Дувардж[оглу]

Известный поэт Исидор Бобович, отличающийся необыкновенной прочностью придумываемых им образов. С правой стороны — евонная Лаура — Розина (Б. Арнаутская, 46).

Поэт «Я. Гольденберг» (Яго). «...И при содействии поэтов / Рождает Яго скверный звук». Годен для употребления. Негоден для чтения.

Поэт Коган, субсидирующее предприятие, страдающий размягчением мозга на почве русской литературы и онанизма. Сверху — лавровишневый венок.

[*Рисунок еще одной обложки*] Издание Т-ва «Русские поэты». Одесса. Per aspera ad astra».

Поразительно, насколько лаконичные характеристики Кесельмана перекликаются с информацией из других источников. Цагарели — «инициатор» книги; Коган (то есть Сторицын) «субсидирует предприятие»; Яго — один из самых популярных псевдонимов сатирика Якова Гольденберга (Я...Го).

«Оловянные дудки»

иллюстрированное издание
для

потомства

известный соборник
Б.П. Маршак
и его удивительная мудрость
а также два кинжала и
лента.

Поэт **С.Голденберг**
(Иль).
...И при сердитом повороте
Голденберг Иль сплечной губы
Голденберг употребляет.
Маршак Иль итента.

известный поэт сформирован
Дуварь Барфукий (Озюбия).
известный под псевдонимом:
1) Я. Бушманов 2) Маршак Тоисе
3) Леонид де Миле 4) Водяра,
5) Маши видео Будетис.

Стрела - обложка будущей книги оловянных поэтов.

Поэт **Кочань**,
судья ироничный
предприниматель. И

страдания ради великого
дела на пользу русской
интерпретации и онации
ма. Сверх - лавровый
новый восток

Известный поэт **Индорь Бобович**,
отличавшийся необыкновенной про-
ветью придумываемых им сло-
зов. С правой стороны - слово
Лаура - Розина (Б. Фрута Яна, 46)

А какая пронизательная оценка начинающего Багрицкого — «главный поэт сборника»! И рядом перечень его великих учителей, от Гумилева до Бодлера. В основном характеристики имеют не столько обидный, сколько шуточный тон. Резкие оскорбительные строки о «поэте Когане» наталкивают на мысль, что «неурядицы» могли возникнуть у Кесельмана не с Цагарели, как думал И. Бобович, а с пришедшим со стороны Коганом-Сторицыным, ассигновавшим деньги на издание. Косвенным подтверждением такой гипотезы служит и отсутствие стихов Кесельмана в более поздних одесских альманахах, как упоминалось, тоже выпущенных на деньги Сторицына. Позже, в 1916-м, совместные выступления отчасти возобновились, но складывается впечатление, что Кесельман все же оставался несколько в стороне от остальных членов поэтического кружка.

Возможно, после окончания университета Кесельман занялся юриспруденцией⁴¹, так как год от года число его публикаций постепенно снижается. Особо отметим, что в конце 1916-го четыре его стихотворения были напечатаны в столичном журнале «Новый сатирикон»⁴² — единственный «выход» поэта за пределы литературной Одессы. Изредка газеты сообщали об участии Кесельмана в вечерах местного литературно-художественного клуба. Так, 26 апреля 1916 года состоялся вечер поэтов; выступали Э. Багрицкий, И. Бобович, А. Горностаев, В. Инбер, П. Сторицын, А. Фиолетов и С. Кесельман, который прочел «Рыбачью песню», «Праздник» и «Андерсена»⁴³. На вечере присутствовал бывший в Одессе проездом И.А. Бунин⁴⁴. А 28 апреля газеты анонсировали вечер памяти Шекспира: «Сегодня состоится... Программа: доклад М.И. Мандеса — «Шекспир и Ренессанс»; С. Кесельман прочтет свое стихотворение «Памяти Шекспира»»⁴⁵. В отчете правления Литературно-художественного клуба отметили: «...в новом помещении [ул. Греческая] дан был ряд блестящих вечеров, каких давно уже не видел наш Клуб за последние годы; таков был, например, вечер, посвященный памяти Шекспира...»⁴⁶. Еще одно сообщение нашлось в газетах 1918 года: «Вечер "кружка одесских поэтов". <...> Поэтов, которые читали на вечере свои стихи, было семеро»: Багрицкий, Соколовский, Фиолетов, И. Бобович, Горностаев, Ставропуло и Кесельман. Каждому автор заметки дал краткую характеристику: «Сем. Кесельман — мечтатель, чье сердце навсегда ранено обманчивой тоской и опасной печалью вечерней. Это — настоящий лирик, нежный и тонкий, простой и грустный». И далее: «Вечер поэтического кружка носил сдержанный, чуждый претенциозности и ненужных заигрываний характер, и у собравшейся публики имел большой успех»⁴⁷. (В архиве поэта сохранился билет № 228 на 1919 год действительного члена Литературно-художественного клуба.)

С началом смутных времен интервенции и гражданской войны стихи Кесельмана иногда появлялись в ярких, но недолговечных журналах тех лет: «Южный огонек», «Огоньки», «Фигаро», «Мельпомена». Последняя известная нам публикация датирована маем 1922-го (стихотворение «1793 год»⁴⁸). Последнее же упоминание имени Кесельмана в прессе — и последняя информация о его публичном выступлении — в феврале 1923-го, в статье Э. Багрицкого о вечере Южного товарищества писателей: «...За исключением доклада Бархина... и стихов Семена Кесельмана, в которых чувствуется настоящее поэтическое благородство, об остальном ничего положительного сказать нельзя»⁴⁹.

4

Всю жизнь Кесельмана привлекал мир театра. Напомним, что уже среди первых его публикаций в газете «Одесское слово» были театральные заметки и рецензии. А вместо гонорара молодой автор получил право бесплатного посещения спектаклей. С 1912 года началось сотрудничество с новой газетой «Одесское обозрение театров» (выходила с сентября 1911). Здесь Кесельман от случая к случаю публиковал заметки о театральной жизни города и рецензии на новые спектакли. Появились на страницах «обозрения» и первые опыты в новом для Кесельмана жанре драматургической пародии. В 1912 году это была пародия на пьесу С. Юшкевича «Драма в доме»: «Пьеса из самой настоящей русской жизни ("чтоб я так жил". — Примечание автора)»⁵⁰. А в 1913-м — пародия на пьесу неизвестного автора «Господа Мейеры»⁵¹.

Однако всерьез поэт увлекся работой для театра несколько позже, в 1917-1918 годах. Весной 1917-го в театре Н.И. Собольщикова-Самарина с успехом шла миниатюра «Ночное происшествие» с участием известных актеров А.И. Сорина и Г.А. Шебуева (в сохранившейся программке значится: серенада — музыка Шебуева; постановка Сорина). «Арлекинад С. Кесельмана "Ночные происшествия" [так в тексте] очень стильна и колоритна», — отмечал в рецензии Б. Бобович⁵².

В 1918-м Кесельман писал одноактные водевили, «пьески-арлекинады» для кабаре «Гротеск», прибывшего из Киева на гастроли и застрявшего в Одессе⁵³; баллады и «песенки кинто» для выступлений Виктора Хенкина. В «Гротеске» с успехом шли «Ночное происшествие» и «Оживленные игрушки». Премьера первой миниатюры, уже знакомой зрителям, состоялась 13 июня, в бенефис художественного руководителя театра, режиссера и актера А.И. Сорина. Рецензенты отмечали: «...готовится к постановке изящная пьеска-арлекинада "Ночное происшествие", принадлежащая перу одесского поэта Семена Кесель-

мана»⁵⁴; «Приятное художественное впечатление оставляет изящная арлекинада Семена Кесельмана...»⁵⁵; «Прелестна стильная, нежная “арлекинада” Семена Кесельмана»⁵⁶.

С первых чисел июля в рецензиях на новую программу театра находим отзывы о следующем драматургическом опыте поэта: «Лучшим номером программы является изящный эскиз Семена Кесельмана “Оживленные игрушки”, прекрасно сыгранный... Изящно подобрана музыка г. Пруслина. Нравятся декорации художника Мюллера»⁵⁷. Один из критиков, скрывшийся под псевдонимом Мечтатель, посвятивший этому «номеру программы» отдельную заметку:

«В “Гротеске” идет с неослабевающим успехом изящная миниатюра поэта Кесельмана “Оживленные игрушки”,

в которой нежный романтизм поэта-автора очаровательно сливается с искусным красочным замыслом молодого даровитого художника-декоратора В.Н. Мюллера... Мне нравятся “игрушки” Кесельмана оттого, что старая тяга поэта к миру загадочно-сонной, грациозно-мечтательной старины получила такое яркое осуществление в первой паре 1820-х годов, времен Онегина. Это не стилизация в шаблонной манере Сергея Ауслендера... Это — глубокое проникновение в дух эпохи, такой далекой, грустной и сладостно нежной... И остается только пожелать, чтобы этот “кукольный дебют” был далеко не последним. Ведь жизнь нынче становится все будничнее, мрачнее, скучнее. А когда оживают старинные игрушки под мелодический бой курантов, мы — на краткий миг — в сумерках полумерцающей рампы отдыхаем душой, вспоминая грезы поэта:

Ах, господа, жизнь проще и ясней
Напева музыкальной табакерки,
Когда друзья и девы вешних дней
Сияют в лаке этажерки...»⁵⁸

Программа спектакля
в театре Соболевцова-Самарина. 1917

В августе появилось сообщение: «Местным поэтом Семеном Кесельманом написаны для Виктора Хенкина в старинном английском стиле “Баллада о сэре Джоне Фальстафе”, а также “Песенка покинутого шута” и новая песня Кинто»⁵⁹. В рецензиях хвалили Хенкина за удачные песни и прекрасное исполнение, но имя автора текстов не упоминалось.

Следующая премьера состоялась осенью. Тот же Мечтатель писал: «Слушал чтение новой комедии поэта Семена Кесельмана “Скорый суд”, идущей на днях в “Гротеске”. Даже при беглом ознакомлении с текстом и характерами главных ролей пьеса производит прекрасное впечатление свежестью юмора и четкостью литературного стиля. Пьеса вполне сценична и... обещает стать одной из лучших новинок сезона в ряду изящных комедийных миниатюр. Так сказывается определенно и положительно хорошая литературность традиций, приятный художественный вкус и большое уважение к сцене»⁶⁰.

Премьера состоялась 18/31 октября в новой программе «Гротеска»⁶¹, но гастролы популярной балерины М.Л. Юрьевой, участвовавшей в программе, заслонили скромную одноактную комедию — отзывов на нее не было. Газеты предпочли отдать место подробному описанию десяти корзин белых хризантем, поднесенных балерине А. Вертинским.

Тексты всех этих драматургических опытов, к сожалению, в архиве поэта не сохранились. Сам он упоминал, что рукописи нескольких его пьес, которые

ставились в театре, были утрачены. Но во все последующие годы (даже в годы вынужденного творческого молчания) интерес к театру оставался. М.С. Заркова вспоминала, что в последний период жизни, будучи уже тяжело больным, оставив работу, Кесельман начал обдумывать сатирическую пьесу. От замысла сохранились рисунки — наброски будущих действующих лиц, персонажей из какого-то советского учреждения (завхоз, делопроизводитель, парторг, директор, машинистка, архивариус и проч.).

5

Видимо, с начала 1919 года поэт пошел «на службу» — стал постоянно работать на юридических должностях. Сохранилось удостоверение № 141, выданное Советом присяжных поверенных Округа Одесской судебной палаты: «Дано... Семену Иосифовичу Кесельману... состоит помощником присяжного поверенного... Л.Г. Фурмана; зачислен в состав помощников присяжных поверенных Округа по постановлению Совета от 8 февраля н. с. 1919 года...». В советской трудовой книжке Кесельмана отмечено единственное место работы — Гостиничный трест, где он проработал в должности юрисконсульта-секретаря с 1 октября 1927 по 14 марта 1939-го. При этом указано, что «общий трудовой стаж до поступления в Гостиничный трест — 8 лет и 8 мес.» (то есть исчисление идет от даты выдачи удостоверения; по всему, если он и занимался юриспруденцией до 1919-го, то фрагментарно, от случая к случаю). Среди его рукописей и рисунков 20-х годов есть

Зарисовки к последней пьесе

сделанные на обороте то ли четвертушек, то ли осьмушек каких-то официальных бланков. Немногие оставшиеся от этих лет стихи продолжают прежние — вневременные и внебытовые — темы: любовь, жизнь города, красота женщины и природы, смысл бытия. Об отношении Кесельмана к советской власти и возникшему с ее приходом новому жизненному укладу можно догадаться только по сохранившимся рисункам: иногда это чуть шаржированные зарисовки бытовых сценок, реже — откровенные злые карикатуры на новых «хозяев жизни».

Неприятие Кесельманом этой действительности, в которой не было места чистой поэзии, а ценилась лишь социально полезная, подтверждала его вдова М.С. Заркова. По ее словам, Кесельман отошел от литературы, не желая приспособливаться к официальной идеологии, говорил, что бросил писать стихи, так как при новой власти его поэзия не могла существовать, как и стихи Ахматовой⁶². Заркова рассказывала, что муж читал ей какие-то юмористические стихи, посвященные неурядицам 20-х годов, и смогла процитировать две строчки из одного: «Но хлеб нельзя было достать / Ни через Е, ни через ЯТЬ»⁶³. Для публикации подобных строк время было неподходящим — и стихи, видимо, существовали только в устном варианте.

В самом начале 1920-х умерла мать поэта — единственный близкий ему человек. Жили они тогда в начале Дерibasовской улицы, по некоторым свидетельствам, в подвале или полуподвале. В доме у него почти никто не бывал —

очевидно, самолюбивый поэт стеснялся своего убогого жилища. Заркова рассказывала, что после смерти матери Кесельман женился, но вскоре расстался с женой; жена по профессии тоже была юристом.

С Милицей Степановной Зарковой (1896-1981) Кесельман познакомился в 1933 году, поженились они в 1935-м. Заркова помнила его человеком очень скромным, мягким, внимательным к окружающим. По ее словам, он «никогда не повышал голоса, никогда никого не обидел». Всю жизнь провел в Одессе, никогда никуда не ездил. И только однажды, в середине 1930-х, вместе с женой (и по ее инициативе) побывал в Ленинграде. Родственники поэта Михаила Гитермана, друга Кесельмана, добавили к этому описанию еще несколько штрихов: был очень хорошо образован, рисовал, играл на рояле, прекрасно знал английский язык, говорил, что хорошо его чувствует. Читал Диккенса. Подарил племяннице Гитермана несколько книжек Диккенса на английском языке. Был очень гордым, с большим самомнением. К окружающей жизни совершенно не приспособлен, к власти настроен отрицательно⁶⁴. И жена, и знакомые отмечали его музыкальность, не раз упоминали, что он прекрасно играл на рояле.

Заркова рассказывала, что Кесельман помнил свои стихи прежних лет, читал их ей, но никогда — посто-

Карикатуры 1920-30-х гг.

С. Кесельман. 1930-е

других поэтов, иногда импровизировал: «свободно и легко слагал стихи на любые заданные темы». Возможно, нежелание возвращаться к старым, когда-то популярным текстам связано с его разочарованием в себе как в поэте. По словам вдовы, в последние годы о своих стихах он отзывался пренебрежительно, отмахивался от них. Любил только одно — «Святой Николай»⁶⁵.

Несмотря на определенную отдаленность от молодой поэтической компании 1910-х годов, узнав о смерти Эдуарда Багрицкого в 1934 году, Кесельман очень переживал. Рассказывал о нем жене, вспоминал с симпатией. У нее сложилось впечатление, что они были в хороших отношениях⁶⁶.

Последние два с половиной года жизни Кесельман тяжело болел — сердце, приступы удушья, высокое давление... С марта 1940 года был переведен на инвалидность и уволен. За несколько дней до смерти, 26 июля (14 июля ст. ст.), жена поздравила Кесельмана с днем рождения, принесла ему цветы, он тогда был уже в совсем плохом состоянии. «Мне очень трудно было принести эти цветы», — вспоминала она⁶⁷.

Умер Семен Иосифович Кесельман 9 августа 1940 года от миокардита.

* * *

В годы оккупации, ожидая грозившего ей выселения из дома, М.С. Заркова уничтожила все личные письма, свои и мужа, чтобы в них не рылись посторонние. От Кесельмана оставался целый чемодан писем: письма его отца к матери, записки Веры Инбер, Ефима Зозули, Эдуарда Багрицкого и многое другое⁶⁸.

Тем не менее она много лет берегла рукописи, папки с газетными вырезками, пачки рисунков, немногочисленные фотографии, документы — все, что сумела сохранить в трудные военные и послевоенные годы.

К середине 1960-х М.С. Заркова практически весь архив поэта передала С.З. Луцкику. Как она говорила, «отдала, чтобы спасти». Архив невелик

по объему, включает в себя рукописи стихов — в тетрадях и на отдельных листах, рисунки, вырезки публикаций Кесельмана из газет и журналов, рецензии и заметки с упоминанием его имени, немногочисленные документы и фотографии.

Самые ранние стихи частично сохранились в двух записных книжках 1904-1905 и 1907-1908 годов. С 1909 года стихи переписывались в обычные ученические тетради, всего сохранилось семь таких тетрадей с датами, проставленными как для старых, набело переписанных стихов, так и для созданных в 1909-1911 годах. Первая тетрадь — своего рода избранное: в нее включены стихи 1904-1910 годов. Во второй и третьей тетрадях нового практически нет, переписаны стихи из первой тетради, за исключением самых ранних, то есть за 1907-1909 годы. Лучше всего представлены стихи 1908-1910 годов, почти все аккуратно переписанные в тетради, иногда вперемешку с учебными записями, решением задач, юношескими незрелыми рисунками; в одной из тетрадей 1909 года — несколько стихотворений на французском языке.

В 1911 году стихи записывались как в тетрадях, так и на отдельных листах; несколько стихотворений встретилось и там, и там. По-прежнему поля рукописей, страницы тетрадей пестрят разнообразными зарисовками. С годами среди них попадает все больше портретов, реалистических и шаржированных. Подписи под портретами обычно отсутствуют, одно из редких исключений — подписанные профили П.И. Пильского, С.С. Юшкевича и профессора-правоведа А.Я. Шпакова в тетради 1911 года. С 1912-го тетрадей нет (возможно, что-то было утрачено), стихи записаны на отдельных листах, иногда на случайных обрывках бумаги или оборотах официальных бланков; в основном это черновые, зачастую мало разборчивые записи. Последние рукописи относятся к началу 1920-х. Нужно заметить, что, в отличие от ранних стихов, более поздние далеко не всегда датированы — но почти всегда подписаны. Многие стихи среди рукописей не обнаружены, в архиве поэта остались только газетные вырезки. Несколько отсутствовавших в рукописях и среди вырезок текстов удалось восстановить при просмотре одесской периодики 1910-х годов.

Внушительную часть наследия поэта составляют его рисунки — разного времени, от гимназических до самых последних. Рисовал Кесельман, как и писал, на подвернувшихся под руку листах: тетрадных, из блокнота, оборотах служебных бланков, каких-то кусочках, очень редко на хорошей бумаге. В основном тушью, много рисунков простым карандашом. Есть несколько акварелей и рисунков чернилами. Всего до нас дошло более 450 законченных рисунков и набросков. Больше половины их имеют сатирический характер. Среди

ранних рисунков много рыцарей, солдат, шутов, парусников и прочей романтической атрибутики. С годами появились и другие темы. Есть небольшое число реалистических портретов и пейзажей, театральные зарисовки, иллюстрации к прочитанным книгам, иногда рисунки перекликаются с сюжетами собственных стихов. Среди поздних листов подавляющая часть — карикатуры на «совслужащих» и на «новый» быт, несколько портретных зарисовок, к сожалению, не подписанных. Подписей под рисунками вообще мало, даты проставлены всего на нескольких листах. По словам Зарковой, Кесельман создавал свои рисунки «между прочим» — размышляя о чем-то, или во время вечерних разговоров с домашними, с гостями.

Материалы домашнего архива стали основным источником для изучения жизненного и творческого пути С.И. Кесельмана. Желание М.С. Зарковой в конце концов осуществилось: много лет хранимые ею бумаги послужили воскрешению имени поэта.

Примечания

¹ См.: ГАОО, ф. 39, оп. 5, д. 44. Книга о родившихся евреях г. Одессы за 1889 г. — л. 208 об., № 1144: «Одесский 2 г. купец Иосиф Юдкович Кесельман, жена Ольга. Сын Семен род. 14 обр. 28 июля».

² Свидетельство о смерти № 3939.

³ Прошение С. Кесельмана от 13 июля 1909 года о зачислении на юридический факультет Новороссийского университета.

⁴ Жена С. Кесельмана — Заркова Милица Степановна (1896-1981), сохранила рукописи поэта и ряд его документов. Много рассказывала о муже, о последнем периоде его жизни, а также, опираясь на его воспоминания, — о его детских и юношеских годах.

⁵ Свидетельство № 81 от 19 сентября 1898 г. С.-Петербургского института инженеров путей сообщения.

⁶ Свидетельство № 423 от 19 сентября 1898 г. С.-Петербургского Практического технологического института.

⁷ Абрам (Авраам) Гольдфаден (1840-1908) — поэт, драматург, журналист, режиссер, актер. Организатор постоянной еврейской театральной труппы, с которой он гастролировал по городам России, Польши и Украины. В 1879-1884 гг. жил в Одессе. О нем см.: Краткая литературная энциклопедия. Т. 2. М., 1964. Стб. 243; Лоев М. Страницы истории еврейского театра (1876-2009). — К., 2010, с. 19-30. Среди бумаг С. Кесельмана сохранилось несколько газетных статей об А. Гольдфадене и некролог.

⁸ Одесская почта. 1912. 30 окт.

⁹ «Вчера состоялись похороны...» // Там же.

¹⁰ Брат поэта М. Гиттермана вспоминал, что как-то они с Кесельманом шли по Дерibasовской; около Греческой площади Кесельман показал: «На этом месте умер мой отец». — Запись разговора от 25.09.1979. Картотека С. Луцка.

¹¹ В черновых тетрадях 1909-1911 годов стихи перемежаются расписанием университетских лекций, зарисовками (напр., профиля профессора-юриста А.Я. Шпакова), а также решением задач по алгебре и стереометрии.

¹² «Ведомость об успехах и поведении ученика VII класса Одесской 5-ой гимназии Кесельмана Семена за 1906/7 учебный год». По всем предметам проставлено 5 баллов. «...Переведен в VIII класс с наградой I степени». То же в 5-м и 6-м классах.

¹³ «Прошение» С. Кесельмана 13 июля 1909 года о зачислении на юридический факультет Новороссийского университета: «от окончившего Одесскую 5-ю гимназию с золотой медалью в прошлом 1908 году...»

¹⁴ Там же.

¹⁵ Эпиграмма Э. Багрицкого на С. Кесельмана публиковалась в двух вариантах:

а) Шишова З. 1917-1921 годы // Эдуард Багрицкий: альманах / под ред. В. Нарбута. — М., 1936, с.198; Шишова З. О нашей молодости // Эдуард Багрицкий: воспоминания современников. — М., 1973, с. 69.

б) Катаев В. Алмазный мой венец // Новый мир. 1978. № 6, с. 11; Алмазный мой венец. — М.: Сов. писатель, 1979, с. 17; Алмазный мой венец: повести. — М.: Сов. писатель, 1981, с. 19.

Во всех публикациях первые три строки эпиграммы совпадают, но в четвертой имеются разночтения: у З. Шишовой: «...Любить родителей и не кричать со сна»; у В. Катаева: «...Мамашу слушаться и не кричать со сна». Хотя воспоминания З. Шишовой обычно представляются более достоверными, в данном случае редакция В. Катаева, видимо, ближе к оригиналу, так как ко времени создания этой эпиграммы отца С. Кесельмана уже не было в живых.

¹⁶ Шишова З. О нашей молодости // Эдуард Багрицкий: воспоминания современников. — М., 1973, с. 69.

¹⁷ По воспоминаниям жены поэта, С. Кесельман в период их знакомства в 1933-35 годах (до женитьбы) говорил, что он «уже 12 лет» без матери.

¹⁸ Журнал сохранился среди рукописей С. Кесельмана.

¹⁹ а) «На полях безбрежных и печальных ...» // Одесское слово. 1911. 21 окт. — В рукописной тетради название «Снег», датировано ноябрем 1908 г.

б) «Цыганский романс» («Слово одно вдохновеннее речи...») // Одесское слово. 1911. 1 нояб. — В рукописной тетради датировано 26 июля 1910 г.

в) «Былое» («Три девушки в темнеющем окне...») — Южная мысль: ил. прил. 1912. 4 июля. — В рукописной тетради название «Из прошлого», датировано 31 июля 1910 г., опубликовано с незначительными разночтениями.

²⁰ а) Осенняя дача («Уехали и дверь закрыть забыли...») // Одесское слово. 1911. 27 окт. — В рукописной тетради название «Конец сентября», датировано 23 марта 1911 г.

б) Сказка («Не жизнь хороша, но лишь сказка о жизни...») // Южная мысль: ил. прил. 1912. 8 сент. — В рукописной тетради 1911 г. имеется вариант без названия и даты со значительными разночтениями.

в) Жизнь («Ты шла, отражаясь в озерах...») — в архиве поэта сохранилась газетная вырезка с этим стихотворением, название газеты и дату не удалось установить. Рукопись стихотворения — на отдельном листе, датирована 10 июля 1911 г. В газетной публикации при наборе пропущена вторая строчка третьей строфы.

²¹ Одес. слово. 1911. 19 сент.

²² См. примечания № 19, 20.

²³ Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. В 4 т. Т. 3. — М., 1958, с. 273.

²⁴ Катаев В.П. Алмазный мой венец. — М., 1981, с. 17-18.

²⁵ Подробнее о журнале и его сотрудниках см. публикации С. Лущика: Одесский «Крокодил» // Альманах библиофила. — М., 1981. Вып. 10, с. 254-264; Одесский журнал «Крокодил» и его авторы: [статья] // Одесский журнал «Крокодил» и его авторы: сборник / Сост. Т. Щурова. — О., 1998, с. 229-310: ил.

²⁶ Катаев В. Алмазный мой венец. — М., 1981, с. 17.

²⁷ Олеша Ю. Книга прощания. — М., 1999, с. 115.

²⁸ Запись разговора с М.С. Зарковой от 27 июля 1978 г.

²⁹ Блок и литераторы / публ., коммент. Р.Д. Тищенко // Лит. наследство. Т. 92: Александр Блок: новые материалы и исследования. Кн. 4. — М., 1987, с. 564.

³⁰ Пильский Петр Моисеевич (1879-1941) — журналист, критик. Хорошо знавший его А. Дейч писал: «В дореволюционной России от него во многом зависели писательские судьбы... [...] Пильский мог бы остаться в истории русской критики, потому что он писал умно и увлекательно, блестяще владел стилем, им всегда руководила четкая мысль. Но легкомыслие, любовь к прожиганию жизни и вину свела на нет его большие литературные возможности» (Дейч А.И. День нынешний и день минувший. Изд. 2, доп. — М., 1985, с. 295).

³¹ В Одессе единственный известный нам экземпляр сохранился в областном архиве (ГАОО, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 150). Учтен: Литературно-художественные альманахи и сборники. Т. 2, 1912-1917 гг. — М., 1959, с. 58, № 152.

³² Подробнее об альманахе и его участниках см.: Лущик С.З. Чудо в пустыне: одес. альманахи 1914-1917 годов // Дом князя Гагарина. Вып. 3, ч. 1 / Одес. лит. музей. — О., 2004, с. 166-235.

- ³³ Бобович И. Все, что память сберечь мне старается... — Машинопись. Ташкент, 1975, с. 30-32. — Собр. С. Лущика.
- ³⁴ К-ов Л. [Камышников Л.] «Шелковые фонари»: сборник молодых поэтов-одесситов // Юж. мысль. 1914. 10 марта.
- ³⁵ Библиография. Шелковые фонари <...> // Одес. листок. 1914. 10 июня.
- ³⁶ Цагарели Г. «Солнечный путь»: южный альманах // Юж. мысль. 1914. 20 мая. — Библиография.
- ³⁷ Пильский П. Поэтам Одессы (письмо в редакцию) // Маленькие одес. новости. 1914. 27 мая (9 июня).
- ³⁸ Катаев В.П. Алмазный мой венец. — М., 1981, с. 17.
- ³⁹ Бобович И. Письмо к С. Лущику от 22 февраля 1974.
- ⁴⁰ Бобович И. Письмо к С. Лущику от 12 апреля 1974.
- ⁴¹ Сохранились только два документа такого рода: удостоверение от февраля 1919 года, С.И. Кесельман состоит помощником присяжного поверенного Округа Одесской судебной палаты; трудовая книжка, выданная в январе 1939-го, С.И. Кесельман состоит с 1927 года юрисконсультом-секретарем Гостиничного треста.
- ⁴² В «Новом сатириконе» за 1916 г. были напечатаны: «Андерсен» (№ 40), «Тревожное утро» (№ 42), «Святой Николай» (№ 43), «Акварий» (№ 51).
- ⁴³ Отчет правления Одесского литературно-артистического клуба за 1916 год. — О., 1917, с. 12-13; К сегодняшнему вечеру в литерат.-артистическом клубе // Одес. новости. 1916. 26 апр.
- ⁴⁴ Отчет правления Одесского литературно-артистического клуба за 1916 год. — О., 1917, с. 13. — «Этот вечер посетил проездом через Одессу поэт И.А. Бунин».
- ⁴⁵ Литер.-артист. клуб // Одес. листок. 1916. 28 апр.
- ⁴⁶ Отчет правления Одесского литературно-артистического клуба за 1916 год. — О., 1917, с. 10.
- ⁴⁷ С. Р-ский. Вечер «кружка одесских поэтов» // Одес. листок. 1918. 10 апр. (28 марта).
- ⁴⁸ Новь. О., 1922. № 1, май.
- ⁴⁹ Багрицкий Э. Вечер Южного товарищества писателей // Известия. — Одесса, 1923. 2 февр. — Упомянуты в числе выступавших: Бархин, Кесельман, Кипен, Гитерман, Ставропуло. «Оппонентами выступили представители "Потоков", упрекавшие участников вечера как в техническом несовершенстве, так и в полном отсутствии какой-либо идеологии».
- ⁵⁰ Эскисс. Драма в доме, или Живые манекены // Одес. обозрение театров. 1912. 26-28 дек., № 205-207.
- ⁵¹ Эскисс. Господа Мейеры (Печальное приключение) // Одес. обозрение театров. 1913. 24 сент., № 409.

- ⁵² Б. Б-ч [Бобович Б.]. Театр Соб.-Самарина // Одес. новая газета. 1917. 26 мая.
- ⁵³ Гастроли киевского театра «Гротеск» начались 9/22 мая 1918 г. (см. объявления за предшествующие дни в газете-программке «Театральный день»).
- ⁵⁴ Хроника // Театральный день. 1918. 10 (23) — 11 (24) июня, № 37-38.
- ⁵⁵ Театр Гротеск // Театральный день. 1918. 15 (28) июня, № 41. — Подпись: Л. Б.
- ⁵⁶ Астахов Л. Гротеск. Бенефис А.И. Сорина // Мельпомена. 1918. № 13, июнь, с. 13.
- ⁵⁷ Театр Гротеск // Театральный день. 1918. 4 (17) июля, № 60. — Подпись: Л. С. А.
- ⁵⁸ Антракты // Театральный день. 1918. 6 (19) июля, № 62. — Подпись: Мечтатель. Цитируется стихотворение Кесельмана «Андерсен».
- ⁵⁹ Хроника // Театральный день. 16 (29) авг., № 101; объявления о выступлениях В. Хенкина с обновленным репертуаром («новые песни кинто и песни шута») появились раньше, 12 (25) и 13 (26) августа.
- ⁶⁰ Антракты // Театральный день. 1918. 12 (25) окт., № 150. — Подпись: Мечтатель.
- ⁶¹ См. репертуар: Театральный день. 18 (31) окт., № 156.
- ⁶² Запись разговора с М.С. Зарковой от 2 авг. 1978 г. Картотека С. Лущика.
- ⁶³ Запись разговора с М.С. Зарковой от 28 февр. 1980 г. Картотека С. Лущика.
- ⁶⁴ Запись разговора с братом и племянницами поэта М. Гиттермана от 25 сент. 1979 г. Картотека С. Лущика.
- ⁶⁵ Запись разговора с М.С. Зарковой от 2 авг. 1978 г. Картотека С. Лущика.
- ⁶⁶ Запись разговора с М.С. Зарковой от 17 авг. 1978 г. Картотека С. Лущика.
- ⁶⁷ Запись разговора с М.С. Зарковой от 2 авг. 1978 г. Картотека С. Лущика.
- ⁶⁸ Запись разговора с М.С. Зарковой от 27 июля 1978 г. Картотека С. Лущика.